

Очерк

УДК 82-94

DOI: 10.21209/2658-7114-2022-18-3-161-167

**История рождения «Педагогической поэмы»
(К биографии А. С. Макаренко)**

Светлана Сергеевна Невская

*школа №656 им. А. С. Макаренко, г. Москва, Россия
nevskajasweta@yandex.ru*

В очерке раскрывается история создания А. С. Макаренко (1888–1939) знаменитой «Педагогической поэмы». Представлены новые страницы личной жизни Антона Семёновича. Читатель познакомится с малоизвестным широкому кругу читателей текстом Г. С. Макаренко «Работа А. С. Макаренко над созданием “Педагогической поэмы”».

Ключевые слова: страницы биографии А. С. Макаренко, работа над «Педагогической поэмой», поддержка и помощь А. М. Горького

Feature article

**The history of the “Pedagogical poem”
(To the biography of A. S. Makarenko)**

Svetlana S. Nevskaya

*school No. 656 named after A. S. Makarenko, Moscow, Russia
nevskajasweta@yandex.ru*

The article reveals the history of the creation of A. S. Makarenko (1888–1939) of the famous Pedagogical Poem. The article reveals the little-known pages of Anton Semyonovich’s personal life. The reader will get acquainted with the text of G. S. Makarenko “The work of A. S. Makarenko on the creation of the Pedagogical Poem.”

Keywords: biographical pages of A. S. Makarenko, work on the Pedagogical Poem, support and assistance of A. M. Gorky

**«Великий романтик и тонкий ценитель
женской красоты»**

«Педагогическая поэма» вышла в свет в 2003 г. в восстановленном по рукописям и по прижизненным изданиям варианте. Работа над текстом длилась более 8 лет.

Впервые первая часть «Поэмы» была опубликована в 1933 г. в горьковском Альманахе (журнал вышел в начале 1934 г.), вторая и третья части – в двух Альманахах за 1935 г. (вторая и третья части).

В архиве хранится машинописный текст Галины Стахивны Макаренко «Работа А. С. Макаренко над созданием “Педагогической поэмы”». Для читателя этот материал представляет особый интерес потому, что именно Галина Стахивна явилась главной вдохновительницей и музой педагога-писателя.

Но прежде чем раскрыть основные сюжеты и мотивы этого уникального документа, выявим некоторые «потаённые» страницы личной жизни Антона Семёновича – великого романтика и тонкого ценителя женской красоты.

Немецкий макаренковед Г. Хиллиг во вступлении к книге «Ты научила меня плакать... Переписка А. С. Макаренко с женой (1927–1939)»¹ пишет, что Г. С. Салько, по её словам, впервые увидела А. С. Макаренко в Наркомпросе Украинской ССР в 1922 г., когда в педагогических кругах уже говорили о полтавской колонии им. М. Горького.

¹ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939) / сост. и коммент. Г. Хиллига, С. Невской: в 2 т. – М.: Витязь, 1994. – Т. 1. – 216 с.; Там же. – Т. 2. – 292 с.

Рис. 1. А. С. Макаренко – заведующий колонией им. М. Горького. 1923 г.

Fig. 1. A. S. Makarenko – head of the colony. M. Gorky. 1923

Рис. 2. Г. С. Рогаль-Левицкая (по первому браку Салько, по второму – Макаренко). 1914 г.

Fig. 2. G. S. Rogal-Levitskaya (by the first marriage Salko, by the second – Makarenko). 1914

Отметим, что с июля 1926 по январь 1927 г. Г. С. Салько (с сентября 1935 г. Макаренко) работала инспектором отдела просвещения Наркомата РКИ УССР; затем до ноября 1927 г. занимала должность председателя Харьковской окркомиссии по делам несовершеннолетних. То есть, была начальницей заведующего горьковской колонии А. С. Макаренко.

Весной 1927 г. Г. С. Салько и инспектор Наркомпроса Украины посетили горьковскую колонию в Куряже. Уже с ноября она являлась заместителем заведующего Управления детучреждений Харьковского окротдела наобразом и вместе с А. С. Макаренко занималась проблемой объединения колоний вокруг колонии Горького. В письме Г. С. Салько от 4 мая Антон Семёнович писал, что за это дело берётся только вместе с ней и просит не оставлять комиссию два года. Однако это мероприятие не было поддержано вышестоящими руководящими органами.

По мнению Г. Хиллига, Галина Стахивевна была умной, красивой, очаровательной женщиной с прекрасными живыми, огромными, чёрными глазами. Немецкий макаренковед

писал, что «письма А. С. Макаренко июля 1927 г., адресованные “ясному месяцу”, однозначно свидетельствуют о том, что он в это время без памяти влюбился в Галину Стахивевну, которая довольно быстро заняла центральное место в его жизни» – то, что раньше принадлежало другим «Солнышкам» (Елизавете Федоровне Григорович и Ольге Петровне Ракович). Из письма А. С. Макаренко от 31 октября 1928 г. следует, что именно он настаивал на официальной регистрации их связи, но она поначалу, вероятно, не торопилась с этим. Однако с осени 1928 г. оба считали себя уже мужем и женой, а Леву Салько А. С. Макаренко считал своим сыном, хотя они в это время и жили раздельно. Совместное проживание в квартире, находившейся в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, началось в 1930 или 1931 году»¹.

В пересказе немецкого макаренковеда Г. Хиллига, один из первых биографов Макаренко Е. З. Балабанович так охарактеризо-

¹ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939) / сост. и коммент. Г. Хиллига, С. Невской: в 2 т. – М.: Витязь, 1994. – Т. 1. – С. 9.

Рис. 3. Письменный стол А. С. Макаренко в московской квартире.

На столе – в рамке фотография Галины Стахиевны

Fig. 3. The desk of A. S. Makarenko in the Moscow apartment.

There is a framed photograph of Galina Stakhievna on the table

вал письма Макаренко 1927–1929 гг. к Галине Стахиевне:

«Письма Макаренко к жене – своеобразный лирический дневник, в котором интимное, узколичное переплетается с общественным. Обычно не любивший говорить о своей внутренней жизни, Макаренко перед дорогим и близким человеком раскрывает себя с исключительной щедростью. Он как бы беседует с близким другом, думает вслух о самых разных вопросах. Макаренко дает в письмах зарисовки окружающей действительности, рассказывает о своей педагогической и литературной работе, делится планами на будущее. Огромная ценность писем и в том, что они позволяют ощутить широту и напряжение творческой мысли Макаренко». А далее Г. Хиллиг комментирует: «Очень вероятно, что "соавтором" этой формулировки была Г. С. Макаренко, которая редактировала рукопись книги Балабановича»¹.

Заметим, что переписка Макаренко с женой долгие годы хранилась в закрытом фонде государственного архива и получила огласку только в 1994 г. Тем не менее, Е. З. Балабанович знал о переписке от Галины Стахиевны, и с её разрешения был ознакомлен

¹ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939) / сост. и коммент. Г. Хилига, С. Невской: в 2 т. – М.: Витязь, 1994. – Т. 1. – С. 10.

с письмами. Г. Хиллиг не случайно подчёркивает: «На основании знакомых ему отрывков Балабанович называет письма А. С. Макаренко "гимнами любви". После прочтения их подлинников здесь было бы уместнее говорить о «поэме любви и ревности».

«Переписка даёт такое обилие новой и неожиданной информации, – продолжает рассуждать Г. Хиллиг, – что привычные представления о А. С. Макаренко кажутся теперь недостаточными. Эти письма показывают нам Макаренко-человека ближе и понятнее, освобождают его образ от шаблонов, которые были созданы им самим и его посмертными канонизаторами. Благодаря письмам мы наконец-то проникаем к настоящему Макаренко. В наше время, когда на его родине всё советское (и он вместе со своими педагогическими идеями) фактически оказалось за бортом, его письма к жене могут стать ключом для нового подхода к этой притягательной личности в истории мировой педагогики»².

Секрет «Педагогической поэмы»

Время сохранило для нас уникальный документ – машинописный текст Г. С. Макаренко «Работа А. С. Макаренко над соз-

² Там же. – С. 11.

данием «Педагогической поэмы»». Познакомимся с этим документом.

Галина Стахиевна сообщает, что 17 мая 1927 г. она посетила торжественный вечер, посвящённый празднованию годовщины переезда горьковцев в Куряж. По её словам, это был праздник преобразования куряжан и создания нового мощного коллектива. Поражало «единство этого весёлого, приветливого и дружного коллектива», и трудно было поверить, «что только год назад “строй горьковцев и толпа куряжан стояли друг против друга на расстоянии семи – восьми метров... и молчали”».

В Харькове уже знали колонию. К гостям (шефам, начальству, знакомым, друзьям колонисты были очень внимательны. Галина Стахиевна пишет: «... Каждому приглашённому заранее были присланы на квартиру изящно оформленные извещения: на безукоризненном листке ватмана небольшая винетка акварелью (работа кружка изобразительных искусств), каллиграфически написанное именное обращение и программа праздника: в 5 часов торжественное собрание; в 6 – начало спектакля: “Сцены” М. Горького “Враги”, после спектакля: гулянье, оркестр, иллюминация и фейерверк».

Галина Стахиевна отметила, что горьковский коллектив блистал во всём своём величии и красоте, сам праздник был естественной органической частью всей системы режима, дисциплины и труда горьковцев. Сам Макаренко «глубже и яснее других оценивал в то время силу своего эксперимента».

На празднике гости мало видели Макаренко, так как он был занят пьесой. Вот что сообщает Галина Стахиевна по этому поводу:

«“Шестой” А “сводный” ставил трудную и сложную пьесу “Враги” и А.С., кроме обычных своих обязанностей по театру: администратора, художественного руководителя, зав. лит. частью, гл. режиссёра, постановщика сфлёрера, играл Николая Скроботова, товарища прокурора. “Терпеть не могу той роли”, – говорил А.С., – но ребятам нельзя играть врагов так сильно и лаконично написанных»».

Далее события развивались в следующей последовательности:

«После спектакля мы вышли во двор. Прозрачные майские сумерки были расцвечены длинными гирляндами разноцветных лампочек, благоухала матеола, звенели серебряные дисканты пацанов, звучал молодой смех и весёлый говор, далеко в конце огромного двора щебетали девочки. Иногда

в эту сложную симфонию вечера вступал колонийский оркестр. Мы сели с А. С. на скамейку под старой развесистой монастырской линией и говорили о празднике, о ближайших планах и далёких путях колонии. А. С. был очень оживлён и разговорчив в этот вечер, что редко с ним случалось, обычно он больше слушал других, чем говорил сам.

А когда у пруда взлетела первая ракета, Макаренко юношески легко поднялся и позвал меня смотреть отражение фейерверка в воде. Он долго молчал, задумчиво следил причудливую игру огня в неподвижной глади пруда. В этом человеке не было ничего шаблонного, обыденно скучного, он всегда был самим собой, он умел владеть своими мыслями, поступками и чувствами, как виртуоз музыкант владеет своим инструментом. Это высшая форма выражения человечности, когда человек перестаёт уже быть только частью природы, а становится произведением, им же созданного искусства.

При многоцветном мерцании тающем во мраке ночи звёзд фейерверка А. С. сказал мне: “Я пишу книгу о колонии, о нашей работе и борьбе, может быть о себе... Но только это секрет. Потому, что толк из этого едва ли будет”. И рассказал о своём первом литературном дебюте и об отрицательном отзыве Горького»¹.

Следует сказать, что А. С. Макаренко имел в виду свой первый рассказ «Глупый день», который был отправлен А. М. Горькому в 1914 г. В статье «Максим Горький в моей жизни» Антон Семёнович сообщает об этом случае так: «Горький прислал мне собственноручное письмо, которое я и теперь помню слово в слово: “Рассказ интересен по теме, но написал слабо, драматизм переживаний по па неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое”»².

Нет сомнения в том, что ответ А. М. Горького в то уже далекое время заставил 26-летнего впечатлительного Антона Семёновича пересмотреть свои ближайшие планы стать писателем. А в описываемой выше сцене Галину Стахиевну поразило следующее признание Антона Семёновича: «Я очень благодарен Алексею Максимовичу за его прямоту. Гораздо проще было написать ни к чему не обязывающий нейтральный отзыв, и вышел бы из меня неудачный писатель, а сейчас я

¹ РГАЛИ. – Ф. 332. – Оп. 4. – Ед. хр. 487. – Л. 87.

² Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 12.

неплохой педагог и люблю своё дело. Трудно сказать, что к лучшему, что к худшему: были бы у меня книги, пусть даже удачные, но не было бы моих замечательных горьковцев... А с ними и о них можно и книгу написать».

Между тем сцена свидания Г. С. Салько и А. С. Макаренко в день юбилейного торжества продолжалась. Очарованная праздничным вечером, Галина Стахивевна с восторгом вспоминала:

«В 11 часов плавные звуки вечернего сигнала: *«Спать пора, спать пора колонисты, день закончен, день закончен трудовой...»* – и погасли огни колонийского праздника, и, замирая в далёком эхе, унесли радостный шум юношеского веселья. В сгустившемся мраке звёздное небо ласковее замигало над колонией тонкими длинными лучиками и слышнее стали бесшумные шорохи ночи. В этом уютном тёплом мире безмятежным сном спала молодая сила горьковцев, надёжно защищённая волей и разумом сильных людей, которые «так отлично умело любили и требовали». Но сколько надо было положить героического труда и самоотверженности, растворённых в мгновениях будней, чтобы создать этот жизнерадостный пафос детского труда, отдыха и покоя!».

Торжество для взрослых продолжилось в квартире Елизаветы Фёдоровны Григорович. Ужин, прогулка в палисаднике у домика хозяйки. Антон Семёнович увлёк всех спорами о литературе. Говорил он «то совершенно серьёзно, то в парадоксально острой форме, придававшей особую выразительность его мыслям».

Далее Галина Стахивевна пишет, что Антон Семёнович говорил о гениях русской литературы, которые «всегда преодолевали современные им стилистические каноны и находили новые блестящие формы». И тут же, полушутя, добавлял, что «Диккенс не только закрепил на долгие годы сентиментально-слащавую манеру своего века, но обесцветил и утопил в ней свой гений». И «весело смеясь, доказывал, что любовные драмы дворянских пар кажутся ему драмами благоустроенного заповедника хорошо обеспеченного кормами». Эти слова, по словам Галины Стахивевны, для присутствующих друзей-педагогов «было неожиданно занятно слушать». В этих шуточках звучала «непреклонное требование новых форм советской лирики и романтики. Требования эти Антон Семёнович, с присущим ему чувством ответственности за всякое дело, обращал,

прежде всего, к себе. Он напряженно искал в то время фабульных, стилистических и сюжетных выражение для создания книги».

Короткая летнюю ночь подходила к концу. Спать было уже некогда, и все стали расходиться к своим обязанностям. При прощании Антон Семёнович обещал в первый свой приезд в Харьков привести черновую рукопись книги, начатую им ещё в 1925 г.

Прошло несколько дней. Антон Семёнович выполнил своё обещание: положил на стол Галины Стахивевны «ещё не очень толстую стопку четвертушек бумаги, мелко исписанных одним из его почерков». И вот какими словами он «сопроводил» это своё действие: «Видите, я исполнил своё обещание и зря, так как вы понимаете, как я сейчас рискую». Сказал «просто, искренне без всякой тени кокетства». И продолжил: «... Там будет видно, а сейчас, пожалуйста, никому не говорите в колонии, что я пишу книгу, это может нарушить естественную непринуждённость наших отношений».

Захватывающая радость чтения

Галина Стахивевна бережно положила в ящик стола аккуратные странички без помарок и исправлений, но несколько дней не прикасалась к ним, так как берегла в себе «очарование праздничного вечера». Но когда решила прочитать – была потрясена. Вот как она описывает своё состояние и ощущения: «... Не отрываясь, с возрастающим интересом я прочла всё до конца и с грустным сожалением положила в стопку последнюю страницу, – такой кратковременной показалась захватывающая радость этого чтения».

Радость чтения вызвала в Галине Стахивевне большой интерес к личности Антона Семёновича – не только талантливого педагога, но и замечательного писателя. Она вспоминала, что в рукописи было 8 глав, каждая глава имела название, которые не изменялись при публикации. Начиналась рукопись главой «Бесславное начало колонии имени Горького». Позже появилась новая первая небольшая глава «Разговор с завгубнаробразом».

Рукопись была написана «от руки на очень хорошей тонкой линованной бумаге, пожелтевшей от времени», но названия не имела. Когда возник вопрос о названии, Галина Стахивевна, высоко оценив рукописный текст книги, сказала Антону Семёновичу, что он написал поэму. Интересной была реакция Макаренко. «Ну, эчеленца, эту патетическую импрессию вам придётся очень серьёзно доказать! – воскликнул Антон Семёнович, скры-

Рис. 4. А. С. Макаренко (1930)

Fig. 4. A. S. Makarenko (1930)

Рис. 5. Г. С. Роголь-Левицкая (1939)

Fig. 5. G. S. Rogal-Levitskaya (1939)

вая весёлую иронию в звучных иностранных словах».

У Галины Стахивны был «такой сильный аргумент, как прозаическая поэма Гоголя «Мёртвые души», но она встретила сопротивление Макаренко и не смогла понять, удалось ли ей его убедить. И вдруг, к её удивлению, «он подумал несколько дней и блестяще добавил слово «педагогическая». Галина Стахивна одобрила высказывание В. Ермилова («Поэзия нашей жизни», 1941 г.) по этому поводу: «этим ответственнейшим названием с самого начала и совершенно сознательно, он очень затруднил себе задачу, но так справился с ней, что заглавие органично-едино со всем произведением: оно вытекает из его сущности и прекрасно раскрывает и завершает его».

Она поняла важную вещь: автору первой части «Поэмы» в 1927 г. было 39 лет и он не имел опубликованных книг, «но он не был начинающим писателем». Галина Стахивна подчеркнула: «Это был уже зрелый художник со своей литературной манерой, вполне владеющий сложными законами и искусством стиля и композиции». И, наконец, последовало ещё одно признание: «Я не знала его другим, не знаю, когда и как с такой определённой складывался его яркий и самобытный талант. Могу только сказать,

что написанные им главы в том же виде и порядке, в каком он при мне впервые вынул из портфеля, вошли в первую часть и без изменений были опубликованы в «Альманахе. Год 17-ый» в 1934 году».

Читателю «Педагогической поэмы» интересно знать, что, читая первую часть, он касается первоисточника. Читатель «захвачен напряжениями, трагедиями и достижениями первых дней колонии».

В заключение нашего знакомства с материалом Г. С. Макаренко «Работа А. С. Макаренко над созданием «Педагогической поэмы» обратимся к её оценке первой части «Поэмы».

«Вчитываясь в живую ткань мыслей и слов этих глав, я – обыкновенный и скромный любитель литературы, может быть впервые тогда, совершенно реально восприняла сложную концепцию единства формы и содержания. Предельной искренности и глубине идей, образов и чувств Макаренко нашёл художественное выражение в изысканно простом, очень сжатом тексте, в органически нерасторжимой связи мастерски подобранных слов, которые ясно и точно передают его мысли. Экономной целесообразностью словесной формы он придал прозрачность стилю, которая даёт возможность читателю почти зримо чувствовать богатый

авторский подтекст, – проникнуться настроением автора. Это придаёт особое музыкальное звучание тексту: лейтмотивы постоянно обогащены сложной оркестровкой.

Такой же целостностью отличается композиция этих первых глав, хотя казалось, трудно было тогда говорить о композиционном единстве такой незначительной части большого произведения. Но талантливо найденная Антоном Семёновичем с самого начала форма отдельных глав – новелл, давала основание уже в то время по части судить и возможностях целого. И вся эта творчески многообразно и полно осуществляемая гармония формы и содержания создаёт ощущение ритма поэтического произведения – поэмы в прозе».

Долгожданная публикация

Известно, что Антон Семёнович писал А. М. Горькому о своих литературных начинаниях и планах. Однако впервые Алексей Максимович познакомился с рукописным текстом первой части «Педагогической поэмы» только осенью 1933 г. Горький очень быстро прочитал рукопись, одобрил её и помог опубликовать.

Благодаря поддержке и требованию Алексея Максимовича незамедлительно продолжить писать вторую и третью части «Педагогической поэмы», Антон Семёно-

вич за очень короткий срок в тяжелейших жизненных условиях написал эти части, которые увидели свет в 1935 г. В этом же году «Поэма» вышла отдельной книгой.

Рис. 6. Скульптура К. Посполитова
Fig. 6. Sculpture by K. Pospelitov

Информация об авторе

Невская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор; школа №656 им. А. С. Макаренко (127474, Россия, г. Москва, Бескудниковский бульвар, 29); nevskaikasweta@yandex.ru.

Для цитирования

Невская С. С. История рождения «Педагогической поэмы» (К биографии А. С. Макаренко) // Учёные записки ЗабГУ. 2023. Т. 18, № 3. С. 161–167. DOI: 10.21209/2658-7114-2023-18-3-161-167.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 23.07.2023; принята к публикации 25.07.2023.

Information about author

Nevskaya Svetlana S., Doctor of Pedagogy, Professor; school No. 656 named after A.S. Makarenko (29, Beskudnikovsky Boulevard, Moscow, 127474, Russia); nevskaikasweta@yandex.ru.

For citation

Nevskaya S. S. The history of the «Pedagogical poem» birth (To the biography of A. S. Makarenko) // Scholarly Notes of Transbaikal State University. 2023. Vol. 18, no. 3. P 161–167. DOI: 10.21209/2658-7114-2023-18-3-161-167.

Received: June 14 2022; approved after reviewing July 23 2023; accepted for publication July 25 2023.